Научная статья
УДК 343.01:343.13
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-55-61>

Уголовно-правовые науки и криминалистическая составляющая уголовно-правовых знаний

Журавлев Сергей Юрьевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, monah07@yandex.ru

Аннотация. В статье с позиции понимания сущности криминалистической культуры правоприменения и ее связи со смежными отраслями научного знания проводится анализ процессов, связанных с созданием новой научной специальности «Уголовно-правовые науки». Акценты делаются на прослеживание фактора комплексности в структуре новой научной специальности. Высказываются отдельные гипотезы о перспективах развития научной специальности и подходах к оптимизации комплекса уголовно-правовых знаний и взаимосвязанной сферы практической деятельности.

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, объект и предмет уголовно-правовых наук, криминалистическая культура правоприменения, комплексность уголовно-правового и криминалистического знания, экспертный фактор правоприменения, криминальная реальность, экономико-криминальная реальность, методическая и тактико-техническая составляющая процесса доказывания, перспективы становления и развития уголовно-правовых наук

Для цитирования: Журавлев С. Ю. Уголовно-правовые науки и криминалистическая составляющая уголовно-правовых знаний // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 55—61. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-55-61>.

Original article

Criminal law sciences and the forensic component of criminal law knowledge

Sergey Yu. Zhuravlev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, monah07@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the processes associated with the creation of a new scientific specialty “criminal law sciences” from the standpoint of understanding the essence of the criminalistic culture of law enforcement and its connection with related branches of scientific knowledge. Emphasis is placed on tracing the complexity factor in the structure of the new scientific specialty. Some hypotheses are expressed about the prospects for the development of a scientific specialty and approaches to optimizing the complex of criminal law knowledge and the interrelated sphere of practical activity.

Keywords: criminal law sciences, object and subject of criminal law sciences, criminalistic culture of law enforcement, complexity of criminal law and forensic knowledge, expert factor of law enforcement, criminal reality, economic and criminal reality, methodological and tactical and technical component of the process of proving, prospects of formation and development criminal law sciences

For citation: Zhuravlev S. Yu. Criminal law sciences and the forensic component of criminal law knowledge. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (56), pp. 55—61. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-55-61>.

Формирование в области социальных и гуманитарных наук специальности 5.1.4 — уголовно-правовые науки, анализ выделенных в проекте паспорта направлений предполагаемых

научных исследований, личный научный опыт и анализ практики применения уголовно-правовых знаний в общественных отношениях, заставляет вновь обратиться к вопросу о роли

© Журавлев С. Ю., 2021

криминалистического знания в общественных процессах, роли криминалистики в процессе правоприменения.

Ранее в одной из наших работ мы обращали внимание на комплексное понимание роли криминалистики в профессиональной деятельности различных категорий юристов и в юридическом образовании. Был проведен анализ противоречивых тенденций в развитии криминалистики и в смежных сферах юриспруденции, дано инновационное понимание роли криминалистики в юридической деятельности [1, с. 49—53].

По прошествии шести лет комплексные научные специальности 12.00.08 и 12.00.12, прекратив свое изолированное существование, получили новый толчок к междисциплинарному развитию. Ранее пожелавший быть самостоятельным в рамках специальности 12.00.09 уголовный процесс оказался перед необходимостью научного единства с научным знанием, от которого он совсем недавно отказался, возможно, рассчитывая, что абстрагирование от методического и тактико-технического содержания работы по расследованию преступлений будет способствовать оптимизации процессуальной мысли.

Нам с процессуалистами придется вновь учиться понимать друг друга в рамках новой комплексной научной специальности. Поэтому, осмысливая процессуальные ориентиры и правила процесса преобразования исходной информации в судебные доказательства, не следует забывать о сущностной стороне познания криминального события и практической реальности его доказывания. Ранее именно такой подход был характерен для совместных работ ведущих криминалистов и представителей процессуальной науки [2].

Нам представляется, что объект и предметная составляющая правоохранительной и правозащитной деятельности, которые существовали и разрабатывались ранее в рамках специальности 12.00.11, вполне укладываются в рамки новой комплексной научной специальности, которая на данный момент имеет познавательную, правовую и деятельностьную составляющую в лице выделенных в проекте паспорта направлений научных исследований.

Несколько слов необходимо сказать об оперативно-разыскной и экспертной составляющей комплексной научной специальности. Полагаем, что научное совершенствование теории и практики конфиденциальной и экспертной работы применительно ко всем этапам восстановления

справедливости в общественных отношениях, на всех этапах документирования и экспертного сопровождения процесса юридического познания сложного криминального процесса или отдельных его проявлений — это есть важнейшая составляющая комплекса уголовно-правовых наук. Часть из этого знания имеет особую конфиденциальность, и его доступность должна быть ограничена для широкой общественности.

Полагаем, что именно в силу указанной выше организационной конфиденциальности процесс изоляционизма науки оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) от криминалистики, уголовного процесса и других направлений комплексной научной специальности 5.1.4 будет продолжаться. При этом очевидно, что комплексность уголовно-правовых исследований состоит и в отслеживании возможностей применения оперативно-разыскных средств правоохранительной деятельности применительно к отдельным стадиям уголовного процесса, а также этапам исполнения наказания.

Экспертный фактор практической деятельности по расследованию преступлений и экспертология как направление уголовно-правовых наук — это весьма сложная и активно развивающаяся научная сфера, особенно в последнее время. Как представляется, криминалистическая культура и теория судебной экспертизы взаимообусловлены в процессе юридического познания [3, с. 148—154]. Наша позиция согласуется с мнением Ю. Г. Корухова, который рассматривал предмет судебно-экспертной деятельности как закономерности возникновения и существования материальных носителей информации об уголовно-релевантных и гражданско-релевантных обстоятельствах обнаружения, изъятия и исследования этих объектов [4, с. 59—60].

Учитывая то, что, по мнению авторитетных ученых, например, Е. Р. Россинской, единство природы всех родов и видов судебных экспертиз независимо от вида процесса диктует единство процессуальных форм использования специальных знаний, в связи с чем можно констатировать, что взаимосвязанное криминалистическое знание может быть также реализовано во всех видах процесса. С учетом подхода Высшей аттестационной комиссии (далее — ВАК) к классификационной группировке отраслей научного знания в рамках новой научной специальности для криминалистики и экспертологии как отраслей, имеющих единую научную платформу, существует опасность ограничения объективно существующей сферы исследований.

Масштаб комплексности знания, которое скрывается за термином «уголовно-правовые науки» и выделенными в проекте паспорта направлениями исследований, конечно же, поражает. Формально произошло объединение четырех научных специальностей и еще большего числа направлений научной деятельности. Это на первый взгляд непривычно и трудно воспринимается с позиции первичного понимания целесообразности такой закладки в научное единство.

Если исходить из того, что в общественных отношениях объективно существует не только «добро», но и «зло», крайние проявления которых требуют настоящей борьбы с этим явлением, то вполне очевидно, что общество должно противопоставить этому комплексное научное знание и сбалансированные разновидности практической деятельности. Таким образом, по формальным признакам и содержательно-му пониманию общественного значения новой научной сферы, происшедшее объединение нескольких научных специальностей вполне оправдано.

Предстоит сложная работа диссертационных советов. Ученые разных научных направлений должны будут стать одним целым в плане понимания комплексного объекта и предмета уголовно-правовых наук. Предстоит тонкая работа членов экспертного совета ВАК по новой научной специальности. Им необходимо будет видеть комплексное научное значение выводов по результатам диссертационных исследований, которые выполнены по отраслевым направлениям. С другой стороны, экспертам ВАК предстоит научиться понимать и объективно квалифицировать формальность заявлений о междисциплинарности проведенного научного исследования, которое не подкреплено междисциплинарными положениями и выводами по диссертации.

Можно прогнозировать, что в рамках новой научной специальности объективно будет происходить группировка исследований по направлениям, вытекающим из предшествующих научных специализаций. Но в силу заявленной комплексности специальности 5.1.4 начнут появляться работы на стыке нескольких заявленных в паспорте направлений исследований.

Аспирантам и докторантам предстоит стать комплексными специалистами другого уровня и помнить, что есть не только направления научной, но и практической деятельности. А в ней существуют правовая, функциональная, логическая, познавательная, коммуникативная

и процедурная составляющие, которые следуют осмысливать и совершенствовать. Поэтому исследование процесса функциональной реализации уголовно-правовых, процессуальных и исполнительных норм должно предполагать изучение и учет деятельностного формата их правоприменения. А размышления о методической и тактико-технической составляющей процесса доказывания не исключают выводы, например, о процессе квалификации и особенностях его оптимизации.

При этом все направления научных исследований должны вносить свой междисциплинарный вклад в сферу юридического образования, разрабатывая не просто предметный учебный материал, а специальные дидактические инструменты по формированию аналитических, квалификационных, коммуникативных и тому подобных профессиональных компетенций обучающихся. Наш многолетний научный и педагогический опыт свидетельствует, что реальным полигоном для проверки практической значимости результатов какого-либо научного исследования является именно учебная площадка, на которой проводится комплексный аналитический тренинг [5] с представителями оперативных или следственных подразделений, которые повышают свою квалификацию [6, с. 67—72].

Происходящий процесс научного реформирования рождает много вопросов. Остановимся на тех, которые имеют методологическое значение.

Существует ли в сфере уголовно-правовых наук комплексная междисциплинарная составляющая, которая гармонизирует научно-методическую работу в рамках указанных в проекте паспорта направлений научных исследований? Есть ли в научном мировоззрении ученых, представляющих объединенные в проекте паспорта отдельные направления исследований, понимание комплексного существа и роли данных наук в формировании гармоничных общественных отношений?

Даже при условии синергетической готовности ученых, представляющих указанные в паспорте научные направления, их продуктивное междисциплинарное взаимодействие возможно исключительно на основе понимания смежности объектов и предметов научных исследований. Представляется, что вопрос о взаимном влиянии данных отраслей научного знания — это новый междисциплинарный пласт научного знания, который придется разрабатывать представителям всех наук, которые объединены в рамках новой научной специальности.

По нашему мнению, общим междисциплинарным объектом уголовно-правовых наук является пространство функционирования «зла», которое причиняет вред людям и окружающей среде, а также процесс его познания средствами уголовно-правовых и иных привлекаемых для этого секторов научного знания, например, в рамках экспертной оценки вреда, причиненного конкретным преступлением. Второй составляющей объективизации уголовно-правовых исследований является процесс восстановления справедливости в общественных отношениях уголовно-правовыми средствами. Происходит это в форме устранения или минимизации причиненного вреда людям, организациям или природе, а также наказания лиц за проявленную в их действиях или бездействии злонамеренность, злохитрость, преступное легкомыслие и т. п. Закономерности функционирования пространства уголовно наказуемого общественного зла и процесса восстановления справедливости уголовно-правовыми средствами являются общим междисциплинарным предметом уголовно-правовых наук.

Сформулированное понимание общего объекта уголовно-правовых наук согласуется с пониманием объекта юридического познания, который не должен замыкаться рамками «чисто» правовой материи. При этом, как отмечают современные исследователи, он и не может вбирать в себя всю неюридическую материю общества [7, с. 22—28].

Более частным пониманием междисциплинарного объекта уголовно-правовых наук является определенный в уголовном законе перечень криминальных процессов, явлений и событий, которые определяются как преступления, а также уголовный и исполнительный процесс «как специфическая отрасль государственной деятельности» [8, с. 72] по восстановлению справедливости в общественных отношениях через наказание виновного в совершении преступления и устранение вредных последствий его действия или бездействия. Закономерности криминальных процессов и отдельных преступлений, совершенствование материально-правовых, процессуальных и исполнительных норм, методических и тактико-технических средств правоохранительной и правозащитной деятельности являются частным междисциплинарным предметом уголовно-правовых наук.

Размышления о криминалистической составляющей уголовно-правовых наук позволяют сформулировать ряд принципиальных положений.

Совершенствование понятийного языка криминалистики и ее межпредметное самоопределение в комплексе уголовно-правовых наук требует осознания того обстоятельства, что с позиции криминалистической культуры правоприменения первоочередным в оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной практической деятельности является познание криминальной реальности. Что представляет собой значительную часть мира человеческих взаимоотношений, которая состоит из комплекса измененных объектов. Данные объекты подверглись воздействию со стороны нравственно деформированных лиц, которые осмысленно реализовали свои «злые» намерения или легкомысленно отнеслись к своей роли и ответственности в общественных отношениях. Как правило, такие люди рассчитывают, что правда об их участии в криминальных процессах или отдельных событиях останется в тайне.

Реализация установки на вседозволенность, доминирование над другими людьми, жестокость, корыстолюбие, обман и тому подобное, выражается в определенных действиях или бездействии, приводит к возникновению измененного состояния объектов и различного рода информации о событии преступления. В этом смысле криминалистику следует рассматривать как науку о закономерностях и процессе познания различных проявлений криминальной реальности, а также методических и тактико-технических средствах данного процесса [9, с. 41—46].

В указанной выше работе мы определили «криминальную реальность» как измененное состояние общественных, экономических процессов, информационных ресурсов, документов, материальных объектов, интеллектуальной сферы людей как результат влияния злонамеренной человеческой воли и обусловленных ею действий, нарушающих права и свободы человека и гражданина, отношения собственности, общественный порядок и общественную безопасность, нормы по охране окружающей среды, конституционный строй Российской Федерации, требования по обеспечению мира и безопасности человечества.

Данное определение позволило сформулировать другое частное понятие, которое является ключевым для понимания существа экономических преступлений. Дело в том, что экономика-криминальный сектор общественных отношений имеет ряд ключевых особенностей. И главное — это конечная цель криминально ориентированной экономической деятельности. Субъекты данного сектора не просто

ориентированы на получение высокого дохода. Как правило, этот доход обусловлен потерями других участников экономических отношений. Особенно актуально то, что при совершении многих экономических преступлений причиняется весьма значительный вред природе.

Мы определяем экономико-криминальную реальность как измененное состояние экономических процессов, информационных ресурсов, документов, материальных объектов, интеллектуальной сферы людей, которые произошли под влиянием злонамеренной человеческой воли и обусловленных ею действий, направленных на получение необоснованного дохода или удовлетворения иного личного интереса за счет нарушения отношений собственности, прав других лиц, норм по охране окружающей среды применительно к деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В контексте перспективы межпредметного диалога в рамках новой научной специальности следует понимать, что криминалистика фактически учит правильному методическому и тактико-техническому самоопределению в ситуациях оперативно-служебной деятельности. Криминалистическое знание, в основе которого лежат категории «след», «информация», «отображение», «признак», «свойства объекта», «характеристика криминальной ситуации», «методическое решение» и тому подобное, нацеливает криминалистически образованного практического работника на точное и вдумчивое восприятие криминальной реальности и продуцированных ею объектов. Криминалистика формирует способности обнаруживать, фиксировать и использовать в доказывании следы человеческой деятельности, в основе которой лежит нравственная деформация. Нередко это становится понятно уже в процессе фиксации первичной информации о криминальных событиях и втянутых в них участниках.

Причастных к подготовке и совершению преступления в криминалистике именуют как «субъекты преступной деятельности» или «субъекты криминальной реальности». Мы в своих работах подчеркиваем условность такого названия, потому что в перспективе необходимо либо доказать факты совершенных людьми преступлений, либо опровергнуть ранее возникшие в отношении них подозрения. Если все же подозрения были обоснованными, то в процессе доказывания фиксируется детальная сторона их действий или бездействий.

В этой связи возникает гипотеза, которая имеет значение для межпредметного диалога.

На наш взгляд, не вполне рационально возбуждать уголовное дело по признакам конкретного состава преступления. Это влечет за собой статистический ажиотаж вокруг показателей тяжести данного преступления, вытекающего из этого определения подследственности уголовного дела и, как результат, стремления со стороны недобросовестных лиц внести коррективы в показатели статистической отчетности.

Полагаем, что уголовное дело или иное производство в зависимости от модели уголовного процесса следует возбуждать по факту события, которое причинило значительный вред здоровью, имуществу, материальному достатку, личным правам конкретных пострадавших. Применительно к экономическим преступлениям это должно быть связано с установлением фактов обманных действий в экономической сфере, фактов завладения чужими активами, фактов корыстно обусловленных действий, входящих в круг обязанностей некоторых лиц, фактов оборота фальшивых объектов или объектов с неудовлетворительными потребительскими свойствами и т. п. Появление в материалах расследования ссылки на конкретный состав преступления должно происходить в момент предъявления обвинения конкретному лицу. Мы осознаем дискуссионность наших предложений и приглашаем коллег к диалогу.

С позиции криминалистической культуры тот, кого мы именуем «субъект расследования» должен быть способен обстоятельнее других людей всматриваться, вчитываться, вслушиваться, вникать в «хитросплетения» человеческих взаимоотношений тех, кто связан с криминальной реальностью, имеет нравственный изъян и, возможно, применительно к предмету нашего дальнейшего разговора, пытаются втянуть в криминальную схему другого субъекта.

Субъект расследования должен различать субъектно-ситуационные и процедурные особенности криминальной реальности и продуцирующей ее преступной деятельности применительно к проверочному материалу или возбужденному уголовному делу. В целом, например, полицейскому быстрее окружающих должны быть понятны криминальные предпосылки происшедших событий, содержание и перспективы изменения обстоятельств в будущем. За этим стоит понимание сути доказательственной информации. Именно она в рамках принятия объективного решения подлежит обнаружению, фиксации и специальному исследованию.

Внимательное, вдумчивое и рассудительное самоопределение в любой ситуации оперативно-служебной деятельности должно основываться на понимании существа изучаемого в процессе юридического познания события «криминальной реальности» и особенностей механизма слеодообразования. Именно это лежит в основе формирования эффективной методики расследования, что подтверждается результатами исследования ведущих криминалистов [10, с. 8—11].

На наш взгляд, предложенные определения и рамки комплексного понимания объекта и предмета уголовно-правовых наук, особое позиционирование отраслевого научного знания имеют межпредметный характер и заставляют нас, как специалистов смежных научных направлений, задумываться о взаимодействии и продуктивном взаимовлиянии. Это будет способствовать позитивным процессам в междисциплинарном диалоге и усилит практическую значимость результатов проводимых исследований.

Список источников

1. Журавлев С. Ю., Крепышева С. К. Криминалистическая методика и тактика: контекст современного понимания роли криминалистики в юридической деятельности и юридическом образовании // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: материалы международной научно-практической конференции (22 декабря 2015 г.). М.: МАКС Пресс, 2015.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин [и др.] / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
3. Журавлев С. Ю. Криминалистическая культура и реализация экспертной функции в процессе правоприменения // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 20—21 мая 2021 г. Н. Н.: ННГУ, 2021.
4. Корухов Ю. Г. Формирование общей теории судебной экспертизы: материал для Ученого совета ВНИИСЭ. М., 1989.
5. Междисциплинарный тренинг как форма проведения учений в специализированном вузе МВД России: учебно-методическое пособие / под ред. С. Ю. Журавлева, С. А. Кузьменко. Н. Н., 2009. 283 с.
6. Журавлев С. Ю. Криминалистическая культура междисциплинарного обучения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50).
7. Боруленков Ю. П. Объект и предмет юридического познания // Закон и право. 2015. № 7.

8. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013.

9. Журавлев С. Ю. Криминалистическая культура правоприменения: содержание и дискуссионные вопросы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13).

10. Лубин А. Ф. Криминалистическое моделирование преступной деятельности: некоторые проблемы и решения // Криминалистические средства обеспечения деятельности по выявлению и расследованию преступлений экономической и коррупционной направленности: сборник статей / под ред. А. Ф. Лубина. Казань: Бук, 2018.

References

1. Zhuravlev S. Yu., Krepyшева S. K. Forensic techniques and tactics: the context of modern understanding of the role of forensic science in legal activity and legal education. Modern criminalistics: problems, trends, prospects: materials of the International Scientific and Practical Conference (December 22, 2015). Moscow: MAKSPress Publ., 2015. (In Russ.)
2. The theory of evidence in the Soviet criminal process / R. S. Belkin [and others]. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Jurid. lit. Publ., 1973. 736 p. (In Russ.)
3. Zhuravlev S. Yu. Forensic culture and the implementation of the expert function in the process of law enforcement. National and international trends and prospects for the development of forensic examination: collection of reports of the All-Russian scientific conference with international participation, Nizhny Novgorod, May 20—21, 2021. Nizhny Novgorod: UNN Publ., 2021. (In Russ.)
4. Korukhov Yu. G. Formation of the general theory of forensic examination: material for the Academic Council of VNIISE. Moscow, 1989. (In Russ.)
5. Interdisciplinary training as a form of conducting exercises in a specialized university of the Ministry of Internal Affairs of Russia: study guide / ed. by S. Yu. Zhuravlev, S. A. Kuzmenko. N. Novgorod, 2009. 283 p.
6. Zhuravlev S. Yu. Forensic culture of interdisciplinary education. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (50).
7. Borulenkoy Yu. P. Object and subject of legal knowledge. *Law and Law*, 2015, no. 7.
8. Criminal procedure. Problematic lectures / ed. by V. T. Tomin, I. A. Zinchenko. Moscow: Yurayt Publ., 2013.
9. Zhuravlev S. Yu. Criminalistic culture of law enforcement: content and discussion issues. *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*, 2020, no. 1 (13).
10. Lubin A. F. Forensic modeling of criminal activity: some problems and solutions. Criminalistic means of ensuring activities to identify and investigate crimes of economic and corruption orientation: collection of articles / ed. by A. F. Lubin. Kazan: Buk Publ., 2018.

Информация об авторе

С. Ю. Журавлев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. Yu. Zhuravlev — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021; одобрена после рецензирования 05.11.2021; принята к публикации 13.12.2021.

The article was submitted 24.09.2021; approved after reviewing 05.11.2021; accepted for publication 13.12.2021.